

По страницам старых газет

«Пионерская правда»

Игорь КОЗЛОВ

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки художника О.КОРНЕВА

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

2020

Историю эту я услышал в детстве от своего друга Никиты Зеленкова. Тогда о ней сообщалось в газетах, но подробности никому не известны. Никита просил, чтобы я сохранил их в тайне. "Всё равно никто тебе не поверит", — резонно заметил он.

Но вот прошли годы, и я всё-таки решился. Мне кажется, люди должны знать о последнем потомке гордого племени кентавров, о его мужестве и благородстве. О том, что есть на свете явления и дела, которые невозможно купить ни за какие деньги, и открываются они только чутким и добрым сердцам.

Но начнём по порядку...

1.

В тот вечер дед Егор пришёл с работы весёлый и возбуждённый.

— Ну всё, Никита, — сказал он. — Едешь в Лондон. Разрешили... Заодно и английский свой потренируешь.

— Ура! — закричал внук и чуть не подпрыгнул до потолка.

Мама и папа с умилением смотрели на него.

— Кто бы мог подумать... — задумчиво произнёс отец (он был вообще большим философом). — Кто бы мог подумать, что поэтому... лошадиному каналу можно выехать за границу.

— Просто ты завидуешь, — сказала мама.

— Вот ещё! — обиделся папа.

И они, как обычно, стали выяснять какие-то свои давние споры. Но Никита с дедом их не слушали, быстро уединились в детской комнате — не терпелось узнать подробности.

— Сначала начальство было категорически против, — рассказывал дед. Но потом выступил представитель министерства и заявил: скачки мирового уровня, должно быть всё как у людей. Первым номером — твой Патрик, затем Сириус и Земфира... Тут встаёт Петрович и, заикаясь от страха, кричит: "Патрик без Никиты не поедет!" У тренера даже челюсть отвисла: "Ты думаешь, что говоришь?" Петрович побледнел, но продолжает гнуть своё: "Я жокей — лучше лошадей знаю. Если хотите, чтобы Патрик взял приз, нужно брать Никиту".

— Так прямо и сказал? — внук не смог удержать улыбку, расплылся от уха до уха.

— Да... Представляешь? Я сам удивился. А товарищ из министерства крутит головой, словно сова. Ничего не кумекает! Наконец спрашивает: "Кто такой Никита?" Тренер объясняет: "Это

мальчик, внук доктора Зеленкова. Ухаживает за лошастью". Начальник пожал плечами:

"Нам же нужен хосбой {хосбой (дословно с английского — конмальчик) подросток в специальной униформе, выводящий лошадь перед скачками}. Пробьём ещё одно место. Лишь бы жокей не волновался..." На том и порешили.

— А Патрик знает? — невольно воскликнул Никита.

— Не понял? — Дед вскинул брови.

И внук прикусил язык.

2.

На следующий день сразу после школы Никита поехал на ипподром. Патрик только что закончил проминку и хрумкал в своём стойле овёс. Увидев мальчика, он радостно заржал.

— Привет, — сказал Никита.

— Здравствуй, друг, — кивнув головой, ответил Патрик. — Как успехи в школе?

— Пятёрка по геометрии.

— Поздравляю. Прекрасная наука.

— Патрик, мы в Англию едем, — сообщил Никита новость.

— И ты тоже?

— Да. Петрович настоял.

— Видишь, я же говорил. — Патрик улыбнулся, показав ряд крупных, белых зубов. — Он неплохой парень. И лошадь чувствует... Трусоват, правда. Но ведь жизнь такая... Зато рука у него лёгкая. Он меня не раздражает.

— Все надеются, что ты возьмёшь главный приз.

— Если нужно, значит, сделаем, — заявил Патрик и смешно задёргал ушами. — Покажешь мне Лондон?

— Обязательно. Как-нибудь вечером выберемся...

В это время в конюшню вошёл Петрович. Он нёс на плече седло, и выражение его лица было хмурое, сосредоточенное.

Патрик фыркнул, стукнул копытом и умолк.

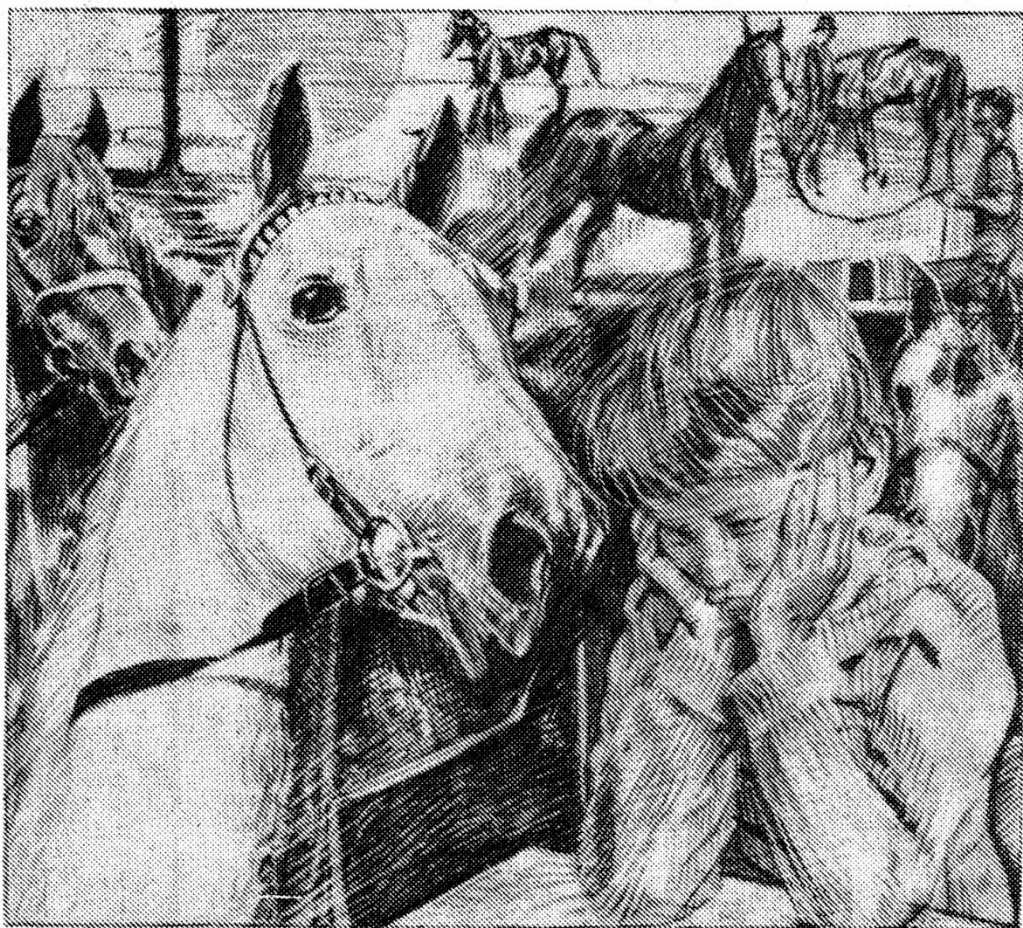
— Здравствуйте, Иван Петрович, — вежливо сказал Никита.

— Здорово... — мрачно кивнул жокей.

— Спасибо, что поддержали мою кандидатуру.

— Тебе очень хочется?

— Конечно!

— А мне нисколечко... Для тебя это прогулка. А на меня все давят только первое место. Знаешь, какие жеребцы там будут — элита!

— Патрик не подведёт! — заверил мальчик.

— Надеюсь... — хмыкнул Иван Петрович. — Договорись с ним. Помоги советом.

— А вы откуда знаете? — растерялся Никита.

Жокей лукаво подмигнул и пошёл в свою конторку.

— Ты слышал, Патрик? Он разгадал нашу тайну!

— Нет, — скакун мотнул головой, — просто так, болтает... Понимает, конечно, что между нами контакт. Слышал, как жокеи говорят: ему лошадь на ухо нашептала. Видимо, живёт с давних пор легенда о нашей породе...

3.

Теперь нужно кое-что пояснить. А то читатель, наверное, уже подумал, у кого-то с головой не всё в порядке: или у героя моего рассказа, или у самого автора.

С Никитой Зеленковым мы подружились ещё в детском саду. Это был шустрый, озорной мальчик. Правда, его отличала одна особенность — он мог часами рассматривать какого-нибудь червяка или букашку. А если кто-то из нас ловил бабочку и отрывал у неё крылья, Никита плакал над ней горючими слезами, укорял «бандита» и хоронил насекомое со всеми подобающими в таких случаях почестями.

Дед Никиты был ветеринарным врачом, работал на ипподроме и постоянно брал с собой внука. Никита хорошо помнит, как родился Патрик. Его отец чистокровный жеребец Патрон, мать — Рикша. У лошадиников принято так давать имена жеребят: один слог — от отца, второй — от матери. Вот и получился: Пат-рик.

Специалисты сразу признали его негодным. У жеребёнка был красивый светло-коричневый окрас, стройные ноги, гибкая шея, но его порода узкомордая, скаковая, а у Патрика — необычайно широкий, крупный лоб.

— Это дебил! — безоговорочно определил тренер. — Надо его выбраковывать! (Понимай — "пустить на колбасу").

К тому же произошла поразительная вещь — мать не подпускала жеребёнка к себе, испуганно сторонилась, шарахалась в сторону, и ему грозила голодная смерть.

Жалостливый Никита выкормил Патрика из соски, уговорил деда взять его на летнюю леваду. Жеребчик на вольных лугах рос не по дням, а по часам, набирался резвости и силы. А когда стали выводить лошадёнка в манеж, дед сразу смекнул: "Эге, тут дело серьёзное!.." Патрик легко обгонял своих сверстников на полкруга. Он летел, как стрела, и видно было — бег доставлял ему необычайную радость.

Были у Патрика и странности: он всегда чутко прислушивался к речи людей, трепетно шевелил ушами, косил свой умный глаз и, казалось, понимал их разговоры. А ещё он любил слушать радио. Никита часто носил с собой карманный приёмник, и стоит ему, бывало, выключить — Патрик недовольно фыркает, сердито топает копытом. Мальчик посмеётся и снова включит.

И вот, наконец, настал тот памятный день, когда Патрик «заговорил». Произошло это буднично, просто. Никита чистил стойло и вдруг услышал за спиной тихий, вкрадчивый голос:

— Дай мне, пожалуйста, водички.

Мальчик повернулся — рядом стоял Патрик и смотрел на него весело, насмешливо.

— Да-да... Это я! — прозвучал тот же голос.

То есть, как бы это лучше объяснить? Звука, в общем-то, не было. Но Никита слышал этот голос в себе. Тогда он ещё не знал слова «телепатия».

Потом, когда они «разговорились», Патрик поведал ему свою историю. В давние времена жила на Земле порода лошадей, которая могла вступать с людьми в особый контакт. Это были сильные и умные животные, ни в чём не уступавшие человеку. Яркий след их существования остался в мифах и сказках. Помните мудрого кентавра Хирона, ставшего наставником героев Древней Греции? А Пегас? Оказывается, он дружил с Гомером и со многими другими поэтами... А наш Сивка-Бурка?.. Это всё они — славные предки Патрика.

Но затем случилась беда. Люди не захотели терпеть рядом с собой странных существ, способных передавать им свои мысли, свободных и гордых. Они пытались покорить их, заставить жить в неволе, превратить в рабов. И кентавры восстали...

Это была страшная война. Люди беспощадно истребляли братьев по разуму. Кентавры рассеялись по миру, смешались с табунами диких лошадей... Так выродилось их племя. И только изредка, раз в сотни лет, гены древнего рода дают о себе знать.

Да, я забыл сказать: у кентавров передаётся по наследству память. Патрик знал всё, что произошло с его предками. Поэтому он так насторожённо относился к людям...

4.

На вагоне было написано — «ЛОШАДИ». Он медленно двигался в центре состава. И хотя за ним следовал вагон для людей, «мягкий», но Никита всё время проводил с Патриком.

— Чудной у тебя внук растёт, — говорил тренер деду, отхлёбывая из горлышка пиво. — Прямо Маугли... Скоро по-человечески лопотать разучится.

— С некоторыми людьми действительно и говорить не стоит, — многозначительно отвечал дед.

— Ты на что, Егор Васильевич, намекаешь? — сощурился левый глаз, холодно осведомился тренер.

— Всё на то самое, Никодим Сергеевич... Это вам наша служба нужна, как трамплин, чтобы в министерство на белом жеребце

въехать. А для некоторых она — судьба, призвание... А ещё есть такое слово — талант. Слыхали?

— Талант?.. Кобылам хвосты накручивать! — хохотнул тренер. — Не смейся меня... Это отрасль народного хозяйства — коневодство. И всё! И нечего розовые сопля разводиться.

— Эх, Никодим, — тяжело вздохнул дед. — Вредный ты для нашего дела человек. И наездник был непутёвый, и тренер никудышный, только горлом берёшь! А самое страшное — никого не любишь. Оттого и злорада в тебе закипает.

— Ну всё! — зловеще отрезал тренер и хлопнул ладонью по столу. — Последний раз путешествуешь... Теперь будешь на левадах сидеть, жеребят пасти.

— Меня этим не запугаешь, — усмехнулся в усы Егор Васильевич. — Для меня, где лошадь — там и радость.

Тренер шумно посопел, успокоился, такой ветеринар, как Егор Васильевич, был ему нужен. Примирительно спросил:

— Ну вот чего он сейчас там делает? Чего?

— Не знаю... — искренне ответил дед.

Как только вагон отошёл от станции, Никита открыл дверь. Патрик положил голову на перекладину и с любопытством наблюдал проплывавшие мимо пейзажи.

Стояло раннее лето. Листья на деревьях были свежие, яркие, словно лепестки цветов. Поля наливались сочной зеленью.

— Как красива наша земля, — задумчиво произнёс Патрик.

И тут на горизонте появился какой-то промышленный посёлок. Над ним возвышалась труба, изрыгавшая в небо клубы серого дыма.

Патрик нервно дёрнул ноздрями.

— Что это? — испуганно спросил он. — Откуда?

— Завод, — спокойно пояснил Никита. — Кажется, цементный.

А потом пошли картины одна страшнее другой.

Они видели озеро, покрытое тонким слоем мазута. Свалку, над которой с криком кружилось вороньё. Овраг, забитый ржавым, искорёженным железом.

— Странные вы существа, — с горечью сказал Патрик. — Такая сила вам дана. Такая мощь разума. А вы что делаете? Разве можно так уродовать свой дом?

— Какой дом? — удивился Никита.

— Планету, на которой живёте. Другого дома у вас нет... — Патрик фыркнул и добавил: — Откуда у вас это вечное желание «урвать», «покорить», «заставить»? Ваши женщины носят на себе шкуры убитых животных. Не для тепла... Нет. Так они себя украшают. Как

думаешь, красиво, если на моей шее будет висеть череп человека на золотой цепочке?

— Брось, Патрик! Ну что ты? — возмущённо воскликнул Никита. Кентавр обиделся и замолчал.

5.

В Ленинградский порт приехали поздно ночью. Здесь лошадей должны были погрузить на теплоход.

— Давай, пока все спят, выйдем в город, — стал приставать Патрик.

— Я слышал по радио, на Аничковом мосту стоят прекрасные скульптуры коней. Так хочется посмотреть!

Никита сначала отнекивался, но потом уступил уговорам.

Свёл Патрика по сходням, и они направились к выходу.

Вахтёр встрепенулся в своей будке, стал испуганно протирать глаза. Наверно, подумал, это ему снится: из тумана, осторожно ступая по шпалам, вышел высокий, стройный жеребец и рядом с ним — худенький мальчик в свитерке и кепчёнке.

Странная парочка приблизилась к воротам. Мальчик постучал в стекло и вежливо спросил:

— Извините, у вас нет схемы города?

Вахтёр ошалело открыл ящик стола, достал замусоленный план.

Мальчик развернул лист и, показывая его коню, ткнул пальцем:

— Вот, мы — здесь. А это Невский проспект.

Жеребец внимательно посмотрел на схему, кивнул головой.

— Спасибо, — сказал мальчик и вернул план вахтёру. Затем он сел на коня, тронул поводья и снова исчез в тумане.

Вахтёр крепко сжал веки, снова открыл их и прошептал:

— Нет, пора на пенсию. Раз привидения стали появляться — пора!..

Пустынные улицы города были великолепны. Тишину нарушал только цокот копыт Патрика. Но вдруг из-за поворота выскочил фургон и с рёвом пронёсся мимо, оставив за собой облако сизой гари.

— Ужас! Эти проклятые коляски издают такой шум. А вонь... Какая вонь! Много их в городе?

— Тысячи... — ответил Никита.

— Что?! — Патрик даже привстал на дыбы.

— Как же вы живёте в таком аду? Представляю, что здесь творится днём! Бедные вы, бедные...

По проспекту с грохотом неслась стая подростков на мотоциклах: ослепительно сияли фары, дрожали от напряжения выхлопные трубы. Во главе кавалькады ехал «вожак» в ярко-красном шлеме, блестящей кожаной куртке, покрытой множеством металлических заклёпок.

Заметив Патрика, он вскинул руку, и вся компания остановилась.

— Эй, чувак, ты где такую кобылу взял? — весело воскликнул «вожак».

Никита не знал, что отвечать.

— Чего молчишь? Увёл из зоопарка?

Он соскочил с мотоцикла, ухватился за стремя.

— Дай покататься! Никогда на такой машине не ездил.

— Это не машина, — тихо сказал Никита. — Это живое существо. С ним нужно уметь обращаться.

— Чего? — парень угрожающе посмотрел на Зеленкова. — Если я мотоциклом управляю, словно бог, неужто с кобылой не справлюсь?

Патрик улыбнулся, и Никита услышал его голос:

— Пусть попробует...

Мальчик спешился, помог «вожаку» забраться в седло.

— Но! Пошёл! — заорал парень и дёрнул за поводья.

Патрик слегка взбрыкнул, парень поднялся в воздух, перевернулся два раза, но приземлился точно на ноги, как акробат.

Его товарищи дружно загоготали, захлопали в ладоши.

— Ну, молодец, Витёк! — закричал кто-то. — Артист!

«Вожак» испуганно посмотрел на коня.

— Ведь убить мог! — хрипло сказал он.

— А зачем лезешь, если не разбираешься? — усмехнулся Никита Зеленков.

— Одна лошадиная сила, — уважительно сказал парень, — а надо же...

Такие слова понравились Патрику, он прошептал Никите:

— Пусть садится. Я его покатаю.

Мальчик еле уговорил «вожака» попробовать ещё раз. Наконец Витёк согласился.

Патрик прошёл лёгким галопом. Потом начал гарцевать. Парни с восторгом смотрели на это представление.

Когда Витёк выпрыгнул из седла, на его лице сияла ослепительная улыбка.

— Кайф! Ну, кайф! — радостно говорил он и только разводил руками. — Вы что, из цирка?

— Вроде того, — уклончиво ответил Никита.

— А чего ночью по городу бродите?

— Да вот хочу другу Аничков мост показать.

— Это прямо до канала и налево...

И снова плыли в тумане старинные дома. С их фасадов молча взирали каменные чудовища, атланты и кариатиды, сфинксы и химеры... Вскоре друзья были у цели.

Патрик долго смотрел на бронзовых коней.

— Всегда завидовал вам! — взволнованно сказал кентавр. — Природа подарила человеку руки. Я так глубоко чувствую красоту. Но могу выразить это только в беге...

6.

В Северном море теплоход попал в шторм. Земфира и Сириус еле стояли на ногах, а Патрик был молодцом. Он всё просился; чтобы Никита вывел его на палубу.

— Хочу поглядеть на "большую воду".

Улучив момент, когда жокей и тренер, измученные качкой, отключились, Зеленков выпустил друга на волю.

Патрик жадно потянул ноздрями сырой, прохладный воздух. Но что это? Всё тот же резкий, удушливый запах. Он повернул голову — прямо из волн поднимался частокол ажурных башен.

— Буровые вышки. Нефть со дна добывают, — перехватив взгляд кентавра, пояснил Никита.

Рядом с бортом судна плавал и, будто живой, шевелился большой, лохматый остров из пустых банок, пакетов, бутылок...

Патрик тяжело вздохнул и сказал:

— Всё ясно. Пошли вниз.

В Лондоне, узнав, что русские привезли скаковых лошадей, на теплоход нагрянула вся таможня — Англию не зря называют "страной скачек".

Сначала на берег вывели Сириуса. Это был неописуемой красоты жеребец. К тому же задавака и позёр. Чувствуя всеобщее внимание, он играл на публику: гневно тряс гривой, бил копытом, грыз удила. Одним словом, "из ушей дым валит, из ноздрей — пламя".

Над толпой пролетел восторженный полувздых-полустон: "О-о-о!.."

Потом вышла прелестница Земфира. Тут уж знатоки умиленно зачмокали губами, заулыбались, зашущукались.

И, наконец Никита вывел Патрика.

— А это что такое? Какая порода? — слышалось со всех сторон. — Лоб — как у барана. Губа отвисла... Зачем они притащили это чучело? Разве его можно даже рядом ставить с нашими конями?

Услышав такие речи, Никита и Патрик переглянулись.

— Ничего, будут их скакуны нашу пыль глотать. — усмехнувшись, сказал кентавр.

И вдруг где-то сбоку вспыхнул блиц фотоаппарата. Зеленков повернулся и увидел стройного, светловолосого парня, стоявшего рядом с шикарным спортивным автомобилем. Глаза его сияли от восторга, руки дрожали. Он не отрывал глаз от Патрика. Затем перевёл взгляд на Никиту и как-то многозначительно, злорадно ухмыльнулся.

Лондон жил в ожидании больших скачек. У конюшен появились «жучки» эта порода известна на всех ипподромах мира. Они шныряют между специалистами, прислушиваются, вынюхивают, выясняют шансы.

Жокей выигрывает, когда приходит к финишу первым. «Жучок» выигрывает, если угадает победителя и сделает на него ставку. Особенно важно вычислить "тёмную лошадку" — неизвестную, не фаворита, которая побеждает неожиданно. Тут уж готовь карман пошире! Деньги потекут рекой...

Каждое утро. Никита выводил Патрика на проминку. Кентавру нравились прогулки. Голубоватый парок клубился над полем, вдали виднелся Виндзорский замок, радовала глаз нарядная "королевская ложа".

Патрик присматривался к дистанции, изредка переходил на лёгкий аллюр, как бы примеряясь к дорожке.

Иногда, казалось, прямо из-под земли появлялась особая фигура с неизменной тросточкой. Зрачки горят, в кулаке зажат секундомер.

— Простите, сэр, вы не скажете, какая резвость на круге у вашего крэка? {крэк — скаковая лошадь высшего класса}

— Извините, сэр, это служебная тайна, — вежливо отвечал Никита.

— Я вас понимаю, сэр... — печально отвечал английский «жучок» и тут же исчезал.

А через несколько сот метров невесть откуда возникал новый, и вся сцена повторялась.

И вот наконец настал долгожданный день. С утра на конюшне собрались все заинтересованные лица. Дед ещё раз проверил Патрику копыта, нет ли на них трещин, втирал в мышцы ног специальные мази. Жокей Иван Петрович, голодный, злой — уже месяц он сидел на диете, с позеленевшим лицом бродил вдоль стойла, а за ним по пятам следовал тренер и всё долбил, долбил:

— Главное, не просидись на старте. На последней прямой будешь делать посыл — хлещи, не жалеи! А то всё миндальничаешь с Патриком, как с барышней!

Один кентавр был спокоен. Он ел свою малую (скаковую) порцию овса, болтая с Никитой.

— Как настроение?

— Знаешь, я так за тебя волнуюсь.

— Ох, какие же вы нервные существа. Допустим, приду вторым. Ну и что? И-го-го... Главное — не победа, главное — участие.

— Слышал бы тебя сейчас Никодим Сергеевич.

— Ты этого карьериста даже близко ко мне не подводи, а то я его лягну.

Сквозь стены стал доноситься густой гул многотысячной толпы. Грянули оркестры.

— Всё! — воскликнул тренер. — Через полчаса церемониальный выход! Седлай, Никита!

Петрович совсем посерел и, путаясь в рукавах, стал надевать свой алый камзол.

Открылась дверь — ослепительный солнечный свет ворвался в полумрак конюшни. Появился Маршал (так называется эта должность) в огромном, лоснящемся цилиндре. Зычным голосом провозгласил:

— Ваш черед, джентльмены!

— Ну, с богом! — сказал дед.

Зеленков повёл Патрика на манеж.

— А-а-а!.. О-о-о!.. У-у-у!..

Проплывают пёстрые трибуны. Зонтики, экзотические шляпки, галстуки... Запахи дорогих духов, сигар...

У барьера Никита неожиданно замечает того высокого юношу, который внимательно рассматривал Патрика в порту. На нём белый элегантный костюм, в руках — бинокль и программка.

— Привет, Зеленков! — кричит он. — Я за вас... Я всё понял!

"Откуда он мою фамилию знает?" — тревожно подумал мальчик.

Призывно звучит колокол: на старт! на старт!

Дед и тренер, подхватив под локти, выводят жокея. Ноги его уже не держат. Но, уцепившись за стремя, он вдруг встряхивается, оживает прямо на глазах.

— Ну как? — нагнувшись к Никите, с надеждой спрашивает Петрович.

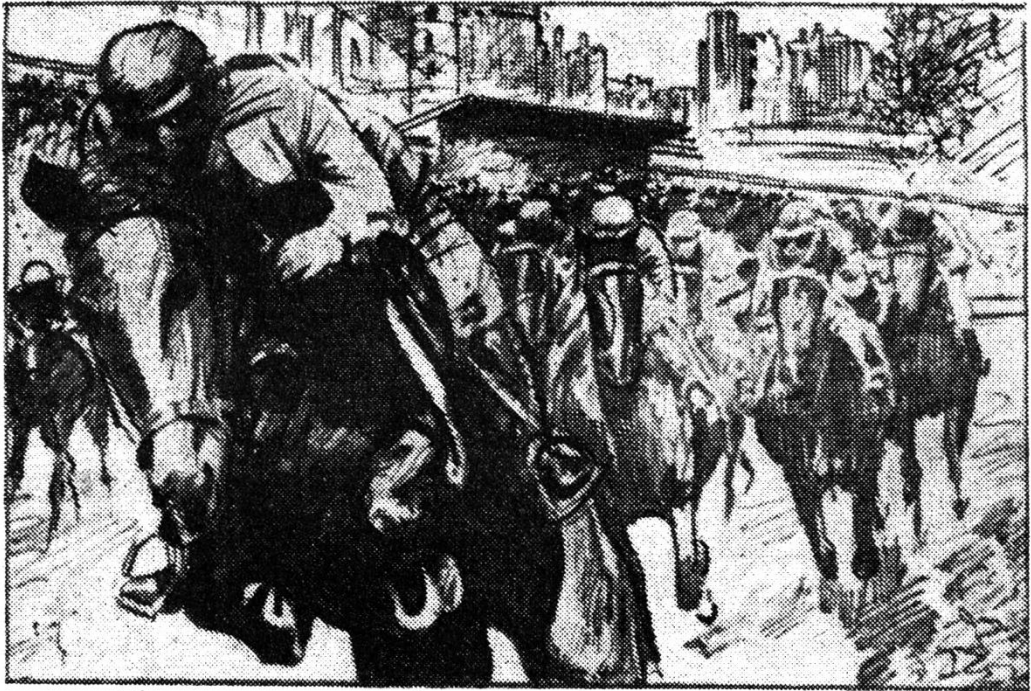
— Не дёргай только. Он сам всё сделает. Крепче держись в седле.

Жокей кивнул: дескать, понял, так и сделаю. Потрепал Патрика по шее. Поцеловал между ушей.

Подъехала стартовая машина — каждая лошадь попадает в отдельную узкую кабинку. Напряжение достигло высшего предела. Притихла публика.

И вдруг!.. Словно лопнула струна — дверцы открываются: "Пошёл! Пошёл! Пошёл!"

Лавина копыт. Хрип, крик. рокот...

Скачку решил вести английский конник Даунинг на знаменитом Корсаре. Он бросился поперёк дорожки и занял бровку. За ним пристроился итальянец Флучио — малыш, почти карлик, он прижался к холке своего Буйного Ветра. Патрик шел третьим.

Петрович — молодец! Он легко держал поводья, покачиваясь в такт движению кентавра, и, казалось, слился с ним в одно целое.

— Обратите внимание! — надрывался диктор. — Русский совсем не применяет хлыст. Что это? Тактический приём?.. Он бережёт скакуна для последнего посыла.

После поворота Патрик поравнялся с Буйным Ветром. Он слышал рядом его знойное, обжигающее рычание. Флучио бешено стегал своего жеребца, но это не помогло. Патрик расправил грудь и ровной, машистой рысью обошёл соперника.

Кентавр летел, словно молния. Кровь весело и горячо струилась в его жилах.

Теперь впереди был только Корсар.

Патрик приближался к нему с каждой секундой. Ипподром встал. Все с замиранием сердца следили за фаворитами.

Корсар и Патрик вышли на последнюю прямую.

— Бей! Бей! — истошно вопил тренер. — Почему он жалеет? Проиграем! Проиграем!

— Замолчи! — одёрнул его дед. — Смотри!

Патрик неукротимым, мощным галопом пошёл на решающий бросок. Всё меньше просвет между ним и Корсаром. Вот они уже рядом.

Патрик выходит вперёд. Воздух свистит в ушах, развеивает гриву. Ужас в глазах жокея. Держись, Петрович...

Что творится на трибунах! Рёв, смех, рыдания, аплодисменты водопадом падают вниз

— Па-трик! Па-трик! Па-трик! — скандирует толпа.

Стремительно приближается финишный столб.

Звонок! Всё... Это победа!

Отгремели фанфары. Утихли радостные вопли. Жокей, тренер и даже дед все пошли отмечать успех. И только Никита остался в конюшне.

Патрик, обмытый тёплой водой, с лоснящейся кожей, стоял, словно изваяние — гордый, возбуждённый.

— Ну как? — наконец спросил он.

— Ты был великолепен! — похвалил друга Зеленков.

— Да, этот бег мне удался. Знаешь, временами, казалось, у меня выросли крылья... А теперь, когда всё позади, на душе тоскливо... Давай сходим в город?

— Боюсь, влетит мне.

— Сейчас никто не хватится. Всем не до нас.

— А полиция?

— Ну, англичан ничем не удивишь.

Никита открыл дверь бокса. Смеркалось... Трибуны ипподрома были пустынные. Ветер шевелил ворохом тотализаторных билетов — почти все проиграли, и только один, неизвестный, поставивший на Патрика, сорвал дикий куш.

Они вышли за ограду. Перед ними лежала дорога к дворцу Хэмптон-корт.

— Пойдём на Трафальгарскую площадь. Посмотришь конную статую Карла X, — предложил Никита.

— Нет. сначала свернём к Темзе.

Здесь, на берегу, их и взяли.

Откуда-то из мрака выскочили дюжие молодчики. В руках у них были пистолеты с длинными стволами. Урча, подъехал большой фургон, в котором возят лошадей.

— Эй, парень, слезай! — властно произнёс один из громил.

— Что вам нужно? «Я советский спортсмен», — дрогнувшим голосом сказал Никита.

— Очень мило! Вот и сидел бы в своей стране, а не рыскал по "трусобам капитализма".

Бандит потянул руку к уздечке.

— Патрик, выручай, — прошептал Зеленков.

Кентавр мотнул головой, цапнул хватчика за пальцы. Тот завыл, отскочил в сторону.

Патрик взвился на дыбы, круто повернулся. Цепочка гангстеров невольно распалась. Прыжок... Удар задними копытами...

— Стреляйте! — кто-то крикнул из темноты. — Иначе уйдёт.

Два глухих выстрела прозвучали в тишине.

У Патрика подкосились ноги. Он медленно повалился на бок.

Из тени вышел человек. Это был... всё тот же юноша, наблюдавший за ними в порту, сидевший во время скачки в первом ряду.

— Мальчишку тоже отключите, — спокойно сказал он.

Зеленков почувствовал у своего лица резкий, приторный запах. И поплыли круги — жёлтый, зелёный, розовый...

7.

"Бом! Бом! Бом!.." — медленно отбивали часы.

Никита открыл глаза. Прямо перед ним высилось огромное окно, задёрнутое плотной шторой, сквозь которую сочились тонкие лучи.

Он лежал на широкой тахте, укрытый лёгкой батистовой простыней.

Дверь бесшумно распахнулась — в комнату вошёл лакей в лиловой ливрее.

— Как вы себя чувствуете, молодой человек? — заботливо спросил он.

— Нормально, — буркнул Никита. — Где я?

— Хозяин приглашает вас перед завтраком искупаться в бассейне. Вот плавки, халат, полотенце... — Он положил принесённые вещи на стол.

Когда Никита вышел, лакей провёл его по широкому коридору на открытую веранду.

Горячее солнце... Звонкое пение птиц.... Голубой квадрат воды...

Спиной к нему в шезлонге сидел парень.

Он повернулся. Теперь Зеленков внимательно рассмотрел его. Хозяину было лет шестнадцать, не больше. Красивое, волевое лицо. Насмешливые, немного грустные темные глаза. Густые волосы цвета спелой соломы.

— Привет! — сказал парень. — Тебя зовут Никита... Но мне трудно произносить это имя. Я буду говорить — Ник. Не возражаешь?

— Пожалуйста.

— Поплаваем? Как ты предпочитаешь, с волной или так?

— Всё равно, — хмуро ответил Зеленков.

— А я люблю живую воду. — Хозяин наклонился, повернул какой-то рычажок, и поверхность бассейна покрылась лёгкой рябью.

— Вот. Так лучше. — Он нырнул прямо с бортика.

Никита осторожно спустился по лесенке. Проплыл туда и обратно вдоль мраморной стенки... Вышел, вытерся мягким, пушистым полотенцем.

Хозяин плескался долго. Потом выскочил из воды, как дельфин, смахнул с тела капли. У него была прекрасная спортивная фигура: мощные плечи, рельефный торс, плоский живот.

— Теперь лучше настроение? — доброжелательно спросил он.

— Где Патрик? — Никита смотрел на него исподлобья.

— Он здесь, недалеко. С ним всё в порядке. «Чтобы ты был в курсе вот» ... — Юноша протянул Зеленкову газету.

Никита увидел — отмечено красным карандашом:

"Из конюшен Эскота при загадочных обстоятельствах исчез жеребец Патрик, взявший Большой Приз сезона. Служащие ипподрома видели, как вечером его выводил за ограду хосбой — четырнадцатилетний мальчик Никита Зеленков.

Неожиданная победа неизвестного скакуна разорила многих букмекеров. Компетентные лица связывают это исчезновение с мезью тотализаторной мафии.

Власти ведут расследование".

— Я похож на главаря мафии? — насмешливо спросил хозяин.

Зеленков пожал плечами.

— Не знаю...

Парень рассмеялся.

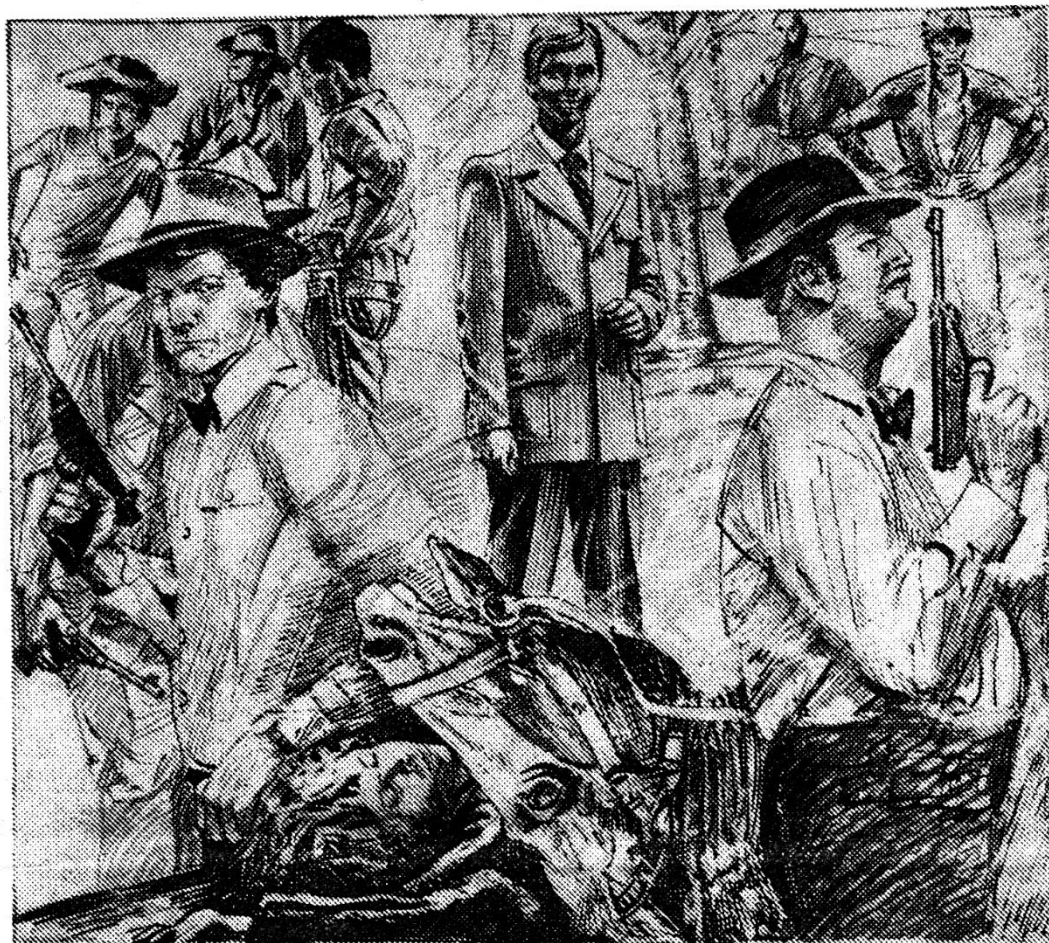
— Я Джон Мортинер Треверс-Девятый. Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Нет, — честно сознался Никита.

Хозяин печально улыбнулся.

— Всё-таки занятная у вас страна. Занимаете шестую часть Земли, а живёте, как на острове.

— А почему я должен тебя знать? — обиделся Зеленков. — Ты кто? Учёный? Писатель? Чемпион мира?

На этот раз парень глянул на него с неким уважением.

— Да... Может быть, ты в прав. Я всего лишь потомок династии миллиардеров. Зови меня просто Джон.

Треверс-Девятый открыл банку с апельсиновым соком, наполнил бокал, протянул Никите, потом плеснул себе.

— Слушай, Ник, я расскажу тебе. Другого пути у меня нет. Я понимаю: то, что я хочу, силой не возьмёшь... Я безумно люблю лошадей... Однажды на аукционе я за два миллиона купил подлинник рукописи Ксенофонта. Слышал про такого?

— Это автор трактата «Иппика» {от греческого «иппос» — лошадь}. Пятый век до нашей эры...

— Да. Там он упоминает о кентаврах. Я думал, это легенда. Но когда в порту, услышав глупое замечание чинуши, вы с Патриком

переглянулись, я сразу понял: это кентавр... Такой осмысленный, полный иронии взгляд! О чём вы говорили?

Зеленков уже открыл рот, чтобы сказать правду. Но вдруг вспомнил давнишнее заклинание Патрика: никому! никогда!

— Ты ошибаешься, — кашлянув в кулак, глухо произнёс он, — Это обыкновенный жеребец. Просто он очень привязан ко мне.

Джон усмехнулся. Помолчал, обдумывая ситуацию.

— Ты догадываешься, кто выиграл на тотализаторе? — У него была странная манера: он задавал вопросы и тут же сам отвечал на них. — Это я... Конечно, через подставных лиц. Никто не пронюхает... Вас будут искать. У мафии. А вы здесь — у меня. Знаешь где? Это небольшой остров в океане. Вас доставили самолётом. Частное владение... Всё! Считай, для внешнего мира ты потерян.

— Что вам от меня нужно? — подавленно спросил Никита.

— Я хочу, чтобы ты уговорил кентавра вступить со мной в контакт. Я хочу добиться его расположения. В конце концов ведь он всего лишь животное! А ты будешь моим другом, братом... Я обеспечу тебе самую блестящую судьбу. Какую пожелаешь.

— А иначе?

Треверс-Девятый вскинул брови и холодно сказал:

— Худший вариант — твоё тело находят где-нибудь в Лондоне под кустом. Это, как говорится, для прессы, чтобы поставить точку в этой истории. Лучший — будешь до конца жизни находиться здесь, в моих конюшнях. Выбирай...

8.

Патрик спокойно выслушал. Никиту.

— Да, влипли... Похоже, он не врет. Это действительно остров. Когда сюда долетает ветерок, я чувствую запах тропических вод.

— Что же теперь делать?

— Скажи, пусть зайдёт. Посмотрю, что за зверь.

Джон Мортинер Треверс-Девятый с гордостью переступил порог.

— Приветствую тебя, кентавр! — торжественно произнёс он.

Патрик фыркнул, чутко повёл ушами, покосился в его сторону.

— Почему молчит? — раздражённо спросил Джон.

— Не знаю, — ответил Зеленков. — Когда он со мной разговаривает, я слышу его голос в себе.

— Вот как? Почему я не слышу? Спроси его!..

Патрик поднял верхнюю губу, тихо заржал.

— Смеётся? Он смеётся надо мной! — пронзительно воскликнул Треверс.

— Не обижайся... Ты смотришь на меня, как ребёнок на новую игрушку. Это так забавно!

Никита глянул на Джона. И по тому, как расширились его зрачки, понял — он «услышал».

— Значит, это правда... — восторженно прошептал Треверс. — Ты на самом деле кентавр! Честно признаться, я до конца не верил. Думал, всё это выдумка, бред.

— Нет. Это правда. — кивнул Патрик.

— И ты помнишь прошлое?

— Не только помню. Но могу показать...

Для Никиты такие слова тоже были неожиданностью. Он с изумлением посмотрел на Патрика. Над головой кентавра возникло сияние. И у мальчика перед глазами поплыл туман...

Видение первое. ХИРОН.

Они встретились у подножия горы Пелион — там, где бил родник. Вода с нежным журчанием выкатывалась из-под земли. Вокруг росла густая, шелковистая трава. Невдалеке шумела листвою буковая роща, в которой паслись кентавры.

Геракл возмужал. Борода его стала жёсткой, местами в ней проросла первая седина. Взгляд дерзкий, шальной.

— Здравствуй, Хирон. Давно не виделись... — каким-то нервным, горловым голосом сказал он.

— Рад нашему свиданию, — тихо ответил кентавр.

— Помнишь, когда-то мы здесь резвились. Я был мальчиком, ты жеребёнком. А теперь — ты вожак табуна. Я — вождь великого племени.

— Да. Время выбрало нас.

Геракл криво усмехнулся.

— Я принёс вино. Будешь пить?

— Нет. Ты же знаешь, я люблю виноград. Но лакать сок гнилых ягод, который отравляет разум, — это чуждо нашему естеству.

Геракл захохотал:

— Если следовать естеству, всю жизнь будешь жевать сено!

Он развёл костёр, стал жарить на углях мясо.

Налил из амфоры в чашку душистую квасную жидкость.

— Ну? Давай попробуй...

— Не уговаривай. Я свой закон не нарушу.

— Зря!.. — яростно крикнул Геракл. — Так бы мы быстрее договорились.

Запрокинул голову, жадно дёрнулся кадык.

Геракл вытер губы тыльной стороной ладони. Его глаза помутнели, и в то же время дикая искра вспыхнула в глубоких, чёрных зрачках. Хирон вздрогнул, отступил.

— Тебе передали моё предложение? — с угрозой спросил Геракл.

— Прости, мы не можем его выполнить.

Почему? Вы мне нужны... Я открыл новый закон: оказывается, отнимать гораздо быстрее и удобнее, чем добывать и собирать...

На опушку вышла лань. Геракл встрепенулся, схватил лук. Тетива впилась в подбородок... Свистнула стрела — животное замертво рухнуло на землю.

— Ха! — радостно воскликнул воин. — Ха-ха!

— Зачем ты это сделал? У тебя же есть еда, — печально произнёс Хирон.

— Затем, чтобы ты видел — в моих руках сила! А сильному подчиняются!

Геракл снова налил вина.

— Хочу выпить за наш союз! Кентавр — лучший боевой конь. Вы всё слышите, всё понимаете, вы можете принять решение быстрее всадника, но вам не хватает свирепости. Если мы объединим эти качества — станем непобедимыми! Ну, согласен?

— Нет, — ответил Хирон. — Умение убивать и разрушать — это ещё не сила!

Геракл выхватил из огня головешку, с размаху бросил в рощу.

Запылали деревья. Выскочили на лужайку кентавры.

— А это сила? — угрюмо спросил Геракл.

— Это безумие... Ты уродуешь Мать-Природу — своего учителя, своего исцелителя, свою кормилицу... Глядя на рыб, вы научились плавать. Глядя на гнёзда птиц, начали строить жилища. Хлестнувшая по лицу ветка подарила тебе идею лука... И какова благодарность?

Геракл встал.

— Последний раз спрашиваю: ты будешь моим?

— Нет! — гневно ответил кентавр. — Мы уходим отсюда. Прощай... Ты раскаешься, но будет поздно.

Хирон стукнул копытом, повернулся и поскакал к своему табуну.

— Если не мне, то никому!.. — прохрипел Геракл. Ой выхватил из колчана стрелу. Звонко тренькнула тетива.

Хирон обернулся и увидел свою смерть.

9.

Туман рассеялся... Никита и Джон обнаружили, что они сидят на полу конюшни. Патрик стоял рядом, фыркал, потряхивал гривой.

— Ну, как впечатление? — иронично произнёс он.

— Немного болит голова, — чуть слышно ответил Треверс. — Что это было?

— Ты желал, чтобы я показал прошлое. С первого раза это тяжело...

— Потрясающе! — прошептал Джон. — Просто чудо... Правда, слегка мутит. Такое чувство, будто стреляли в меня... Я пойду прилягу. А ты, Ник?

Зеленкова тоже подташнивало, но он хотел остаться с Патриком, поэтому по возможности бодрым голосом сказал:

— Я привык к таким картинам.

— Как хочешь. — Треверс, покачиваясь, вышел.

Никита дождался, когда гравий под его подошвами перестал хрустеть, и спросил:

— Патрик, почему ты раньше молчал об этом?

— Это действительно опасно. Но сейчас я решил попробовать. Может быть, это наше единственное оружие против Треверса. У него дурная наследственность: сочетание жестокости и сентиментальности — самый тяжёлый характер.

Зеленков провёл пальцами по лбу.

— Всё как во сне... Дед, наверно, там с ума сходит.

Кентавр звякнул уздечкой, задумчиво сказал:

— Послушай, Никита, а если мы примем предложение этого Треверса-Девятого? Подумай, ведь это твой шанс. Тебе повезло!

— О чём ты? — Зеленков испуганно отпрянул.

— Будешь жить без забот. Развлекаться, путешествовать, балдеть...

— Нет!

— Не торопись. Осознай возможность.

— Нет! Не хочу!

— Ну почему?

— Хочу домой — и всё!

Патрик улыбнулся. Он подошёл к мальчику, прикоснулся влажным носом к его щеке.

— Не бойся, мы выберемся отсюда...

А в Лондоне в это время тренер терзал деда:

— Вторые сутки ищут — и никаких следов! Их и не будет... Теперь я понял, почему он всё время торчал рядом с Патриком. Вот она, современная молодёжь! Он давно задумал эту акцию!

— Какую «акцию»? О чём ты говоришь, Никодим? — дрогнувшим голосом отвечал Егор Васильевич. — Мальчик попал в беду. Нужно сделать всё, чтобы его выручить.

— Он сам вывел жеребца! Сам!.. Никто его не похищал! — истерично вопил тренер. — Твой «мальчик» решил остаться на Западе! Понял? С меня теперь три шкуры сдерут. Господи, зачем я

только согласился его взять! Как сразу не догадался! А может, ты тоже с ним в сговоре?

— Замолчи, что ты мелешь? — не выдержал жокей. Он стоял бледный, с фиолетовыми губами; — Никита чистый, добрый мальчик... А ты... Ты подлец!

Тренер удивлённо глянул на Петровича. Хмыкнул и затих...

10.

Никита и Джон Мортинер Треверс-Девятый завтракали на веранде.

— После путешествия в Грецию у меня зверский аппетит, — возбуждённо говорил Треверс, уплетая за обе щеки омара. — Попробуй, жуткая вкуснотища!

Зеленков поковырял вилкой в тарелке.

— Джон, может, ты отпустишь меня, а Патрик останется с тобой?

Треверс бросил на него хитрый взгляд.

— Ты что, дураком меня считаешь? Утечка информации... Разве тебе плохо здесь?

— У меня же есть мать, отец... Войди в их положение.

— Ребёнок рано или поздно уходит от родителей. Как ты представляешь своё будущее?

Вопрос, конечно, интересный... Никите четырнадцать лет, но он никогда не думал об этом. Считалось, всё как-то само собой образуется.

— Наверно, должна быть интересная работа, — неуверенно ответил Зеленков.

— Что значит — «интересная»? Приносить много денег? Власть над людьми? Почести?..

И вдруг Никита вспомнил, Патрик однажды сказал: "Разумное существо обязано ставить перед собой большую цель. И следовать к ней. Неуклонно, страстно... Тогда его жизнь наполнится смыслом".

— Эта мысль принадлежит кентавру? — задумчиво спросил Треверс.

— Да...

— Вот она — вековая мудрость. Но где? Где взять такую цель? Пойдём к нему, пусть он объяснит!..

Патрик уныло бродил по газону, окружённому колючей проволокой. Для верности на каждом углу загона стоял здоровенный «битюг» с карабином.

Кентавр внимательно выслушал Джона.

— Людям трудно давать советы, — грустно произнёс он. — Любую подсказку Природы они обращают во вред ближнему.

— Как это?

— Хочешь, приведу древний пример?

Треверс кивнул.

Патрик вскинул голову.

Видение второе. ТРОЯНСКИЙ КОНЬ.

Ночь опустилась над миром. Утих шум битвы. Уставшие воины разбрелись к своим кострам. Остывали клинки, горячие от Пролитой крови и ударов.

Вождь итакийцев Одиссей угрюмо сидел у своей палатки. В последних лучах заходящего солнца перед ним маячили высокие стены Трои.

Девять лет данайцы приступом берут этот город. Девять лет непрерывный штурм и каждодневные неудачи.

Погибли в бою друзья, соратники: Патрокл, Ахиллес, могучий Аякс. Сам Одиссей получил тяжёлую рану в бок. Нет конца этой войне!

Но и троянцы устали... Пал в жестокой схватке их предводитель Гектор, меткая стрела сразила Пандора, удар копья остановил сердце отважного Денфоба.

Да, не думал Одиссей, когда отправлялся в поход, что будет он таким тяжёлым. Рассчитывал на лёгкую добычу и вот теперь расплачивается.

Неожиданно послышался Одиссею лёгкий шорох. Кто это? Может, враги под покровом тьмы подкрались к лагерю? Выхватил из ножен меч, сделал шаг вперёд... Поднял факел — в неровном, мутном свете прямо перед ним стоял прекрасный скакун. Его уздечка была украшена драгоценными камнями, седло сделано из красной финикийской кожи, сверкали золотом стремяна.

— Здравствуй, мудрейший! — услышал Одиссей таинственный голос.

— Кто говорит со мной? — удивился герой.

— Это я! — Жеребец подошёл совсем близко.

Одиссей увидел его большие, умные, наполненные мерцающей влагой глаза и сразу всё понял.

— Ты... кентавр? Я слышал, что у царя Приама живёт табунок Хиронитов. Но думал, это легенда, глупая людская молва.

— Нет. Это правда. Когда твои предки стали избивать нас, мы бежали на край света. Народ Трои приютил остатки нашего племени и принял наши законы.

— Какие такие законы? — раздражённо махнул рукой Одиссей.

— Живи в согласии с Природой. Бери от неё по мере нужды — не более. Десятый год вы атакуете Трою. И всё напрасно! Нет голода, жители полны сил... Как ты думаешь, почему?

— Боги отвернулись от нас, — угрюмо ответил герой.

— Возможно... — усмехнулся кентавр — Но ты посмотри, как построен город. Со стороны моря его прикрывает стена, спиной

прислонился к обрывистому хребту Иды. Горные ветры продувают улицы, неся им прохладу. В лесах на склонах полно дичи. По крутым тропам союзники везут нам хлеб. Нет, измором не взять. Однако пришёл я посланником мира.

— Гордая Троя сдаётся? — злорадно спросил Одиссей.

— Нет. Царь Приам просит вас уйти.

— У него, наверно, помутился разум? Предлагать такое героям!

— Пятый день горят у вас погребальные костры. Воины, ушедшие в царство теней, не в бою пали. Их косит "чёрная смерть".

— Аполлон пустил на нас свои ядовитые стрелы.

— Нет. Ваш лагерь окружён нечистотами, грязью. "Чёрная смерть" зародилась здесь, среди вас. Но она не знает границ. Ей не страшны крепостные стены. Рано или поздно она проникнет в Трою. Начнётся великий мор! Он уничтожит и вас, и нас!

Задумался хитроумный Одиссей: истину сказал кентавр. И только обида-злоба горьким комом стояла в горле, мешала её признать.

— Верните нам прекрасную Елену, жену базилевса Менелая, и мы покинем Трою.

Снова усмехнулся кентавр, потрянул головой.

— Ты же знаешь, мудрейший, Елена полюбила Париса и последовала за ним по зову сердца. Разве женщина не вправе выбирать себе мужа? И потом — для войны это повод. Вам нужны богатства Трои. Разве не так?

— А если и так! — с отчаянием крикнул Одиссей. — Мы разорились в этом походе! Пусть Приам поделится своими сокровищами!

— Он приносит вам щедрую жертву — дарит меня.

Засмеялся Одиссей, вскинул руки, хлопнул себя, по коленям.

— Ох, рассмешил! Один, даже говорящий конь — это ещё не добыча! — И снова захохотал.

— Откуда у троянцев столько металла: красной меди, серого железа, жёлтого золота?

Одиссей сразу умолк. Он уловил силу в словах кентавра.

— Откуда?

— Ласточка ощущает приближение грозы. Лягушка — воду. Собака — любой запах. Я чувствую металл, спрятанный под землёй. Слышал сказку про коня золотое копыто? Так это правда... Я поплыву с вами и укажу, где в стране данайцев лежит металл. Его много — хватит на всех!

И вдруг Одиссей оцепенел — в голову пришла яркая, беспощадная мысль.

— Хорошо! Я согласен! — звонко воскликнул он. — Люди, возьмите коня! Свяжите ему ноги! Глаз не спускать...

Розовый свет зари разлился по окрестным холмам. И стражники, стоявшие на стенах Трои, увидели, что противник исчез. Там, на берегу, где чернела цепь данайских кораблей, теперь было пусто. И только на краю моря высился огромный деревянный конь, украшенный гирляндами цветов.

Быстро летела молва по городу. Все жители выбежали за ворота. Покинутый, стан был завален кучами мусора. Жилища вождей полуразрушены, сорваны двери и тростниковые крыши. На отмели лежали брёвна — подпорки судов. Глубокие борозды тянулись от них к воде.

Возбуждённая толпа подошла к фигуре коня. На его боку была сделана надпись: "Этот дар приносят Великой Природе уходящие данайцы".

— Радуйтесь, дети мои! — воскликнул старый Приам. — Доблестный кентавр Актеон смог посеять семена мудрости в головы наших врагов. Они вняли совету разума и оставили нам свой знак!

По приказу царя троянцы прикатали дощатый помост, на таком перевозят камни для построек. Дружными усилиями установили на него коня. Ухватившись за пеньковые канаты, они повезли тележку к городу, установили на площади перед храмом богини Афродиты.

Целый день веселились здесь люди. Они пели, смеялись, пили вино, поднимая здравицы в честь подвига славного Актеона.

А в недрах коня, обливаясь потом, стоял Одиссей с горсткой головорезов. Коварный герой ждал своего часа.

И вот наконец жаркое светило скрылось за острые вершины Иды. Потускнел закат, потянуло желанной прохладой. Троянцы стали расходиться по домам.

Крепко спят утомлённые радостью жители несчастного Илиона. Не ведают, что к городу тайно подходят враги.

Как призрак, выскочили из мрака Одиссей и его воины. Хрипит стража, перебитая острыми мечами. Со скрипом открываются тяжёлые ворота.

Под звуки боевых труб нескончаемым потоком врываются данайцы в город. Багровые языки пламени ползут по улицам. Полунагие, почти безоружные троянцы пытаются вступить в битву, но падают мёртвыми на залитую кровью землю.

Горит! Горит красавица Троя! Ликующие победители тащат добычу...

Стоит на палубе данайского судна опутанный кентавр Актеон. Сочатся слезы из его глаз. Горе грызёт душу. Благородный замысел обернулся страшной бедой.

Поднял вверх голову кентавр, протяжно заржал.

— Проклинаю! Проклинаю этот мир! Этим жадных двуногих тварей, разрушающих всё на своём пути!

Рванулся, бросился за борт корабля...

Джон Мортинер Треверс первым пришёл в себя. Он лежал на земле, уткнувшись лицом в траву. К нему бежали охранники, потрясая оружием.

— Хозяин! Хозяин! Что он сделал с вами?

— Назад! — истошно крикнул Джон. — Не смей!

Громилы, как вкопанные, замерли на месте.

Джон приподнялся на локтях, смахнул капли со лба.

— Как страшно... Неужели всё так и было?

— Да, — подтвердил Патрик. — Похлопай по щекам моего юного друга. Он, кажется, в обмороке.

Треверс распорядился принести воды. Смочил Никите виски, плеснул за шиворот. Наконец Зеленков открыл глаза.

— Патрик, я не хочу больше этого видеть, — взмолился мальчик. — Не мучай меня!

— Нет. Нужно знать... — тихо произнёс Треверс и, обращаясь к кентавру, спросил: — Скажи, а это... про "золотое копыто"? Это правда?

Патрик помедлил с ответом. Казалось, ему не хотелось говорить, но он всё-таки решился, мотнул гривой и сказал:

— Да, правда.

В глазах Джона затрепыхало холодное, жестокое любопытство.

— И ты можешь указать, где лежит золото? Даже на моём острове?

— Если оно есть.

— Ну что ж, давай попробуем!

— Вот ты и нашёл цель, — усмехнулся Патрик.

Но Треверс не придавал значения его словам. Он нетерпеливо махнул рукой охране:

— Расступитесь!

Они обошли весь остров. Это был небольшой, удивительно живописный клочок суши: цветущие луговины, экзотические деревья, журчащие ручьи... И всё ухожено, как в парке.

В одном месте Патрик топнул копытом, сказал:

— Здесь что-то... Причём очень близко.

— Несите лопаты, — приказал Джон...

Он сам стал копать землю. Вскоре звякнул металл.

Это была древняя статуэтка. Она изображала сидящего на корточках человека, который, уцепившись руками за горло, душил сам себя: глаза вылезли из орбит, язык высунут изо рта...

— Откуда такое взялось? — удивлённо спросил Никита.

— Раньше здесь был какой-то монастырь, — пояснил Треверс.
— Я знаю этот символ, — сказал Патрик. — Хотите покажу его историю?
— С удовольствием! — отозвался Джон. — Только мне надоело валяться на земле. Давай сядем в шезлонги. Ты как, Ник?
— Ладно, — вяло согласился Зеленков. — Посмотрим ещё раз.
Они расположились в креслах. Кентавр встал напротив. Во всей его позе было напряжение, собранность.
На этот раз картина возникла тихо, спокойно...

Видение третье. БУЦЕФАЛ

Конь был красив и страшен. Он бил копытом, грыз удила. Уже пятого воина сбросил он с себя.

Македонский царь Филипп в пурпурной одежде величественно сидел на золочёном стуле. Рядом с ним стоял его юный сын Александр.

— «Хорош! Хорош!» — восторженно сказал Филипп, щурясь от солнца. Каков лоб! Мощный, широкий...

— Мы называем его Буцефал {Буцефал (в греческом произношении Букефал) значит "бычьеголовый"} — пояснил купец.

— Но я не могу купить этого скакуна, — сказал царь, лукаво поглядывая на сына. — Это дикое животное никому не покорится!

— Оно неподвластно трусам! — воскликнул Александр и смело бросился к коню.

Царь испуганно подался вперёд. Но... о чудо! Почувствовав руку мальчика, Буцефал притих. Александр сбросил плащ и вскочил на него.

И тут жеребец взвился на дыбы, не разбирая дороги, рванул по крутому склону горы. Казалось, его уносил порыв ветра. Конь легко перепрыгивал с уступа на уступ. Только камни летели из-под копыт.

— Задержите! — закричал Филипп. — Он убьёт его! Убьёт!..

Но разве можно было догнать этого демона! Ни одна лошадь не смогла повторить его путь. Всадники поскакали в обход.

Царь гневно посмотрел на купца. Тот рухнул на колени.

— Если с мальчиком хоть что-нибудь случится, ты будешь жестоко наказан.

Время тянулось мучительно долго... Филипп слонялся по поляне, не находя себе места.

Внезапно на гребне скалы на фоне голубого неба чётко возникла могучая фигура Буцефала. Александр уверенно сидел в седле. Он приветливо помахал рукой.

Конь стремглав бросился вниз. Прыжок... Ещё прыжок — сияя от счастья и гордости, Александр подъехал к отцу. В его лице царь увидел нечто новое — оно светилось изумлением и восторгом.

— Дитя моё! — взволнованно произнёс Филипп. — Ищи себе подходящее царство — Македония для тебя слышном мала!

И тут царь заметил: Александр и Буцефал быстро переглянулись.

Тенистый сад, по дорожкам которого неторопливо прогуливаются сорокалетний мужчина с пытливыми голубыми глазами и Александр.

Теперь мальчику лет тринадцать. Он возмужал, окреп в плечах. Но та же порывистость и неукротимость в движениях. Неожиданный резкий жест, быстрый поворот головы, внезапное изменение в ходе беседы.

— Учитель, я знаю, больше всего на свете ты любишь удивляться.

— Да, это так.

— До сих пор ты поражал меня, открывая тайны бытия. Но теперь настал мой черёд...

Мальчик бросился в заросли и вывел мощного, широколобого коня.

— Буцефал желает Аристотелю благополучия!

Мужчина вздрогнул, огляделся по сторонам.

— Что это? Откуда прозвучал голос?

Александр звонко рассмеялся.

— Это говорит мой верный друг — кентавр Буцефал. Он просил о встрече с тобой. Я оставлю вас для беседы. Но буду недалеко...

Мальчик поцеловал коня в морду и стремительно побежал по тропинке.

— «Чудо! Просто чудо!» — восхищённо прошептал Аристотель.

Учёный и кентавр пристально изучали друг друга.

— Действительно чудо, — наконец ответил Буцефал. — Уцелеть в этом безумном мире, раздираемом враждой и противоречиями. Пробриться сквозь завесу небытия и всплыть через сотни лет после смерти своего отца... Ты знаешь, что твой далёкий предок учился искусству врачевания у самого Хирона?

— Да, семейное предание сохранило эту историю.

— Хорошо, хоть так... — тяжело вздохнул кентавр. — Важный разговор предстоит нам. Готов ли ты к нему?

— Внимательно ловлю каждое твоё слово!

Буцефал фыркнул, брезгливо дёрнул губой и стал говорить:

— Я внушил Александру, что он сын бога. При первом же нашем свидании я сказал, что послан с Олимпа для того, чтобы помочь ему совершить великое предназначение — покорить Вселенную, создать империю человечества, объединённую одним правлением и одной философией. Только так можно положить конец распрям и эгоизму! Ты должен подготовить будущего царя к этой миссии. Я давно слежу за твоими работами. Мне нравится твоё трепетное отношение к Природе. Твоё понимание взаимосвязи всех её частей...

Аристотель почтённо склонил голову. Такая оценка была ему приятна.

— Я согласен с твоей этикой. Только действие и стремление к цели достойны разумного существа. Я тоже внушаю мальчику: "Умей хотеть! В этом твоя сила!" Значит, мы на одном пути и должны стать союзниками... Что скажешь?

Учёный сжал виски ладонями. Мучительно искал отзвук в своей душе.

— "Завоевать", «покорить» — я боюсь этих понятий! Прольётся море крови... Оружием воспитывать народы?.. Ты не боишься: человек, который считает себя богом, превратится в чудовище?

— Другой дороги нет. Считаю, это опыт. Посмотрим, какой получится результат. Ты можешь стать отцом всемирной философии. Мы просим найти для нас лучший тип государственной власти... Согласен?

— Что ж, я попробую.

— Впереди нас ждут славные дела!

Огромная долина колыхалась от обилия воинов. Персы стояли сплошной стеной. В лучах восходящего солнца сияли их боевые колесницы.

Буцефал пританцовывал от весёлого возбуждения, яростно хрипел.

Александр привстал на стремях, взволнованно глянул вдаль.

— Что это? Почему такой блеск? И тут колесницы дрогнули и ринулись на греческое войско. Каждая из них была окружена заревом ярких лучей.

— Это серпы! — закричал царь. — По бокам — серпы! Они срежут пехоту!

Буцефал тоже понял: смертельная опасность нависла над первой фалангой. От этих минут зависит исход битвы. Решение пришло само собой.

— Пусть бьют в щиты! — воскликнул кентавр.

Александр сразу понял его.

Гортанный крик команды разорвал воздух. Повторенная десятками разгорячённых ртов, она разбежалась вдоль линии фронта.

Вспыхнули выхваченные из ножен мечи. Воины ударили ими в медные щиты. Грохот, звон густой волной покатился над полем.

Цепь колесниц, казалось, споткнулась об этот вал. Испуганные лошади шарахнулись в сторону, повернули назад. Они врезались в боевые порядки персов.

Буцефал взвился на дыбы, издал победный рёв и бросился в этот промежуток.

— За мной! — крикнул Александр.

Конная гвардия македонцев вклинилась в образовавшуюся брешь — там, на возвышении, окружённый рослыми телохранителями, стоял царь Дарий. В его глазах — дикий страх.

Сминая врагов на своём пути, Буцефал рвался к персидскому владыке. Поднимались и опускались мечи, обрывая каждым взмахом чью-то жизнь.

Тонкая, горячая струйка брызнула на лицо Дария. Он провёл ладонью кровь, пока чужая... Великий деспот Азии, перед которым трепетали народы, вскрикнул от ужаса, вскочил на коня и бросился прочь с поля битвы.

Увидев это, персы дрогнули и побежали.

— Рубите их! Рубите! — визжал Александр. — Надавить! Всею мощью! Всеми силами! Без пощады!

Буцефал скосил взгляд и остановился...

И новый кадр. Теперь уже Индия.

Александр сидит на берегу могучей реки. Длинностволие, стройные пальмы нависли над ним, даря желанную прохладу.

Рядом, склонив голову, лежит Буцефал. У него измождённый, подавленный вид. Судорожно дёргаются мокрые бока. Хриплый клёкот вырывается из горла.

— Ты устал вчера? — заботливо спросил Александр. — Да, бой был тяжёлый. Как ты сумел внушить лошадям, чтобы они не боялись слонов? Этих огромных чудовищ, вооружённых белыми клыками... Если бы не ты, кавалерия превратилась бы в дикое стадо!

Буцефал промолчал, с укоризной глянул на царя.

— Сегодня прибыл гонец с посланием от Аристотеля, — раздражённо сказал Александр. — Он упрекает нас в жестокости. Старику легко рассуждать в тиши своего Ликея. Он считает, идея добра должна объединить мир. Глупости!.. Человек подл, коварен и ленив... Его постоянно нужно держать в страхе, только тогда можно им управлять. Вот прислал символ...

Царь достал из шкатулки статуэтку — "обезумевший воин душит сам себя".

— Как думаешь, на что намекает? Может, в Греции зреет заговор и меня хотят убить?

Буцефал тоскливо посмотрел на подарок Аристотеля.

— Да, мудрец прав... — грустно ответил кентавр. — Я давно думаю об этом. И сердце разрывается от боли. Помнишь: без жестокости отвага! Так я учил тебя... А что вышло? Наш освободительный поход

против восточных тиранов превратился в резню. Ты уничтожаешь целые города. Ты убиваешь близких товарищей, которые смеют тебе перечить. Тебе всюду чудятся заговоры. Честолюбие перешло в тщеславие, смелость — в безрассудство, гордость — в манию величия... Ты сам задушил всё лучшее, чем наградила тебя Природа.

— Замолчи! — гневно воскликнул Александр. — Я сын Бога! Мною руководит высшая сила! Если будешь мешать, я и с тебя шкуру сдеру!

— Не стоит утруждать себя. Я уйду сам. Меня убил яд совести...

Кентавр протяжно вздохнул и закрыл глаза.

Александр бросился к нему на шею.

— Буцефал! Не покидай меня! Не смей! Я приказываю!

Он ощутил холод, который разливался по телу кентавра, и громко, не стесняясь слез, зарыдал.

К вечеру Никита и Патрик остались одни. Утомлённый впечатлениями дня, Треверс отправился спать, а Зеленков сказал, что должен как следует накормить и обмыть Патрика.

— Ты сможешь начертить план острова? — спросил кентавр. — Я ведь специально сделал так, чтобы он показал нам свои владения.

Никита нарисовал прутиком на песке большой овал, сделал пометки.

— Вилла, подсобные помещения, конюшня. Тут, по-моему, аэродром.

— Здесь, в бухточке, пристань, — указал копытом Патрик.

— Да? Я и не заметил.

— Там стоит морской катер. Если уходить — только этим путём.

— Наверно, охрана караулит.

— Посмотрим... Спешить не будем.

Сгущались сумерки. Ночные цветы источали резкие ароматы. Грустно запела какая-то птица.

— Скажи, — спросил Никита, — а у нас на Руси были до тебя кентавры?

— А как же, — усмехнулся Патрик, — Конёк-Горбунок...

— Нет, серьёзно!

— Ложись на сено. Полетим в X век.

Зеленков плюхнулся на мягкий, душистый стожок. Патрик расположился рядом...

Видение четвёртое. ОБЛАК.

Лохматые, корявые тучи неслись над ночной степью. Порывы ветра волновали белые косы ковыля. На горизонте полыхали молнии. И каждая вспышка небесного огня заставляла вздрагивать лошадей, трусливо жаться друг к другу.

Мальчишки, которые пасли княжеский табун, тоже сгрудились у костерка, тревожно глядели на зарницы.

— Ишь, Перун балует! — сказал шустрый белобрысый парнишка.

— Плюнь, Добря, три раза через плечо, — торопливо посоветовал другой, худощавый, щербатый. — А то Перун ударит своей горячей десницей!

Добря встал, повернулся и со вкусом плюнул, как советовал друг, угодив при этом ему в глаз.

Мальчишки засмеялись, не так боязно стало.

Только один отрок, ладный, широкоплечий, лежал в стороне, закинув руки за голову. Он смотрел вверх и ждал, когда в прорехе между чёрных туч мелькнёт его звезда.

Когда-то учитель, грек Арефа, показал ему эту яркую золотую точку на ночном небе и сказал: "Покуда она светит, удача будет сопутствовать тебе!"

— А правда, что Владимир — сын князя? — тихо спросил Добря.

— Говорят... — так же шёпотом ответил Щербатый.

Испуганно захрипели кони, затопали копытами, зафыркали.

Владимир вскочил, поднял с земли лук и стрелы.

— Пойду гляну. Может, волк подкрался. — И скрылся во мраке.

Он обошёл табун несколько раз, пристально всматривался в темноту. Нет, не светятся жадные глаза серого татя. Почудилось, наверно.

— Княжич, княжич, — услышал Владимир за спиной таинственный, вкрадчивый голос.

Мальчик обернулся — рядом стоял белоснежный, стройный жеребец.

— Чур меня! Чур!

— Не пугайся. Я — кентавр. Слышал про такое чудо?

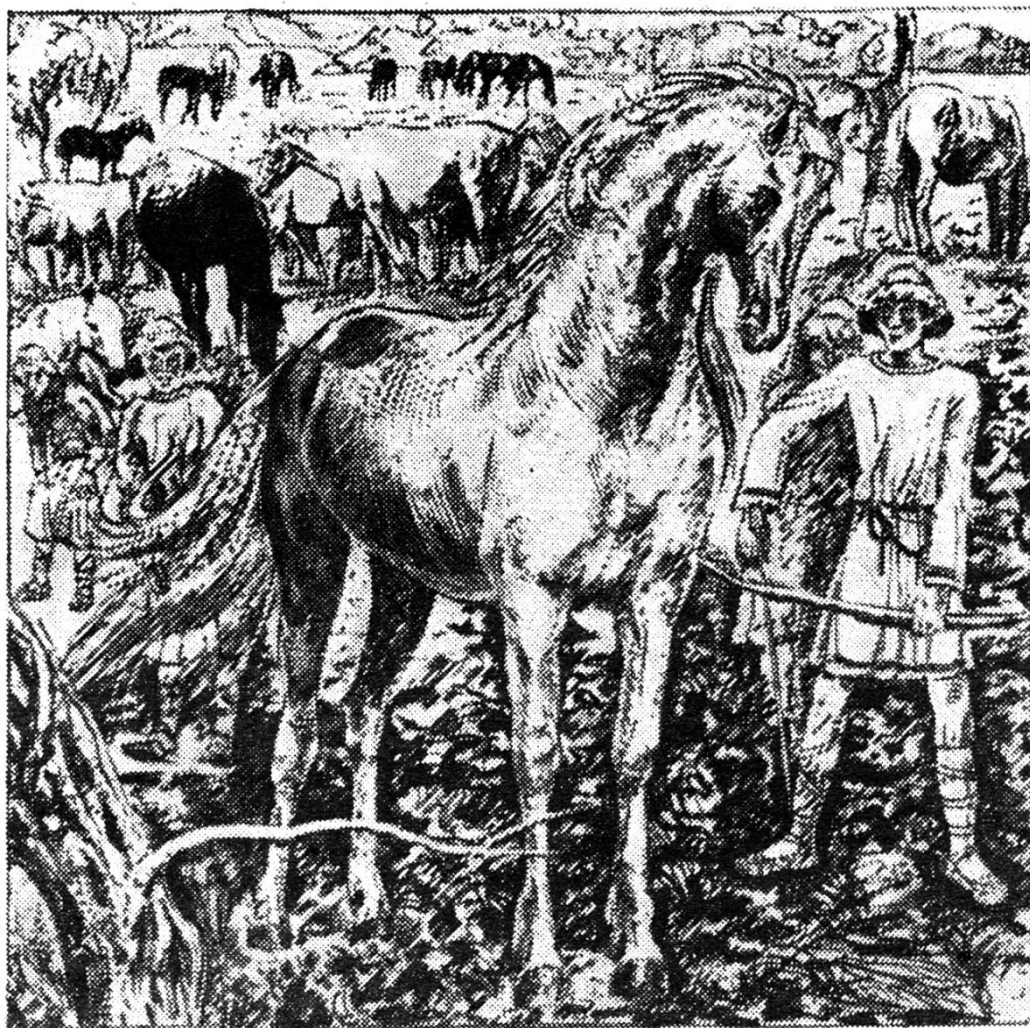
— Да. Грек Арефа сказывал свою сказку. Так- то быль, значит?

— Выходит, так.

Владимир оглядел коня. Хорош! Ох, хорош!

— Как звать тебя?

— Облак.

И впрямь — лёгок и бел, словно пух небесный.

— Почему от людей таишься?

— Не время мне объявляться. Мой предок служил твоему прадеду Олегу. Премного ему в бою помогал, всяки хитрости ратные советовал. Недаром князя Вещим звали.

— Знаю про это.

— Конь тот большое влияние на князя имел. Оттого жрецы, которые вашим богам служат, решили его извести.

— Чем же он мешал?

— Учил князя, что нельзя в деревянных идолах верить, людей и животных в жертву им приносить. Плохой бог, если он крови требует! Оттого и Русь разобщена, что каждый своему истукану поклоняется.

Это сейчас кучки половцев на вас нападают — вы отбиваетесь. А когда объединит степняков страшная идея наживы — трудно вам будет!

Вспыхнула зарница, разорвала темноту — и узрел Владимир совсем рядом наполненные блестящей влагой очи коня.

— А в какого же бога верить? — подавленно спросил мальчик.

— Бог в душе человека. И все перед ним равны. Вижу жребий на твоём челе, станешь Великим Князем. И будет назван Киев матерью городов русских. Но помни всегда: почитай ближнего, как самого себя, — это основной закон жизни. Будь милостив и милосерден, не таи злобу в сердце... А сейчас уйду в табун. Не ищи меня — ещё не время.

Сияние возникло вокруг головы коня. Пелена затуманила взгляд Владимира. Мальчик упал на траву и провалился в сон...

— Я весь в сомнениях, — раздражённо сказал Треверс утром. — С одной стороны, не использовать уникальные способности кентавра — глупо! У меня большие владения земли. Наверняка в их недрах есть золото. Но, с другой стороны, вас, конечно, ищут. Стоит Патрику появиться на материке кто-нибудь обязательно пронюхает! Может, мы изменим ему внешность?

— Как это? — не понял Никита.

— Ну, при современных достижениях науки это не проблема. Даже масть поменять можно.

— Я не дам Патрика уродовать! — воскликнул Зеленков.

— Не кипятись! Давай у него самого спросим. По-моему, твой кентавр достаточно честолобив. Он с удовольствием раскрывает свои таланты перед достойным хозяином. Вспомни, ведь раньше он тебе никогда не показывал прошлое.

Никита насупился — крыть было нечем.

Патрик выслушал предложение Джона и сразу согласился. Треверс обрадовался и побежал давать распоряжения — как раз улетал самолёт за продуктами.

— Зачем тебе это? — возмутился Никита.

— Пойми, так легче будет уйти, — спокойно пояснил кентавр. — А внешность — не самое главное...

Вскоре Треверс вернулся.

— Всё! Завтра сюда доставят специалистов! Мы купим весь этот мир с потрохами! И так объединим его! Это будет не империя! Это будет один большой концерн! Завалим людей жратвой, одеждой — вот оно, всеобщее счастье!

— Достаток никогда не делал человека счастливым, — тихо сказал Патрик.

— Да? Почему же он всегда стремится к нему?

— Не все... Некоторые чудаки предпочитали иной путь.

— Ну-ну, покажи! Это должно смотреться как комедия.

Никите показалось, будто кентавр окутался чёрным дымом. И только вдалеке сквозь мутную пелену виднелся маленький жёлтый огонёк...

Видение пятое. РОСИНАНТ.

Тёплый ветерок колыхал слабое пламя свечи. Два человека, прислонившись друг к другу плечами, сидели у стола, отделённые от всего мира пузырьком тусклого света.

— Друг мой Санчо, — произнёс один из них — длинный, сухощавый, с добродушными, кроткими глазами — Почему приходишь ко мне только ночью, тайком?

— Ах, сеньор! — ответил другой — маленький, плотный, с простодушной и в то же время лукавой физиономией. — И так про вас идёт дурная слава. Вы идальго {идальго — наследственный дворянин} я — чумазый крестьянин. Зачем всем знать, что мы якшаемся?

— Но если бог подарил нам радость сочувствия, если мы оба понимаем прекрасное — значит, мы равны!

— Так-то оно так... Но это мы с вами знаем, что природа создала человека свободным. А другие об этом и не догадываются... Так что побережёмся для вашей же пользы. Почитайте мне лучше из Гомера. То самое... моё любимое место, когда Парис собирается за прекрасной Еленой, а Кассандра предупреждает его об опасности. Ах, сеньор, всякий раз, как слышу это, мурашки по телу бегут!

— Да, Санчо! Это страшно! Уметь предвидеть будущее и носить при этом вечное проклятие — слыть среди людей глупцом! Вот высший взлёт трагедии! Ты видишь беду, хочешь спасти людей — но тебе никто не верит! Каждый живёт только нынешним днём, не думая, что будет завтра...

Скрипнула дверь, и в комнату вошла служанка.

— Дон Кихано, прибилась к нашему стаду овец какая-то кляча — кожа да кости. Я её гоню — она уходит не хочет. И всё на ваше окно смотрит. Так жалостливо, прямо сердце разрывается. Что с ней делать, ума не приложу.

— Пойдём. Санчо, посмотрим на эту странную гостью.

— Ах, сеньор, простите мою дерзость, на коней на своём веку я наглядился вдоволь. Дозвольте, я над книгой посижу, покада ваша милость с животиной разбираться будет.

— Что ж, это твоё право, — усмехнулся Кихано.

По каменным ступеням он спустился во двор. В углу у охапки сена стоял старый, худой жеребец. Грива клочьями свисала с его головы.

— Ну что, приятель, — с улыбкой спросил дон Кихано и потрепал коня по холке, — ты хотел меня видеть?

И вдруг услышал голос:

— Добрый вечер, ласковый сеньор! Извините, что потревожил. Вы, наверно, как всегда, отдавали свой досуг чтению.

Дон Кихано отпрянул, перекрестился.

— Не бойтесь, ласковый сеньор. Перед вами убогий потомок славного рода кентавров. Игра Природы забросила меня в ваш жестокий век, когда пылают костры инквизиции, когда монахам всюду чудятся ведьмы и нечистая сила... Я специально довёл себя до

такого состояния, чтобы ни в одних жадных глазах не вспыхнуло желание обладать мною.

— Господи, неужели это правда? Неужели передо мной настоящий кентавр?

— Увы, сеньор... К сожалению, это так. Недавно услышал я, как простой пастух с восхищением рассказывал о вас. О том, что вы читаете мудрёные книги, о том, как вы добры и великодушны. И понял — только вы достойны быть моим хозяином, только вам могу доверить свою старость.

Дон Кихано обнял коня за шею, слеза заблестела на его ресницах.

— Спасибо тебе за этот выбор! Это самый счастливый день в моей жизни. Как звать тебя?

— Росинант...

Дождь, желанный дождь прошёл над Ламанчей. Бурая земля впитывала в себя желанную влагу. Упругие струи смыли серую пыль с листьев и травы. Над холмами повисла пёстрая радуга.

Дон Кихано и Росинант стояли под навесом.

— Помнишь, прошлый раз ты говорил: человек — плод своих деяний?

— Да. Память о людях остается только в их делах, — ответил кентавр.

— Я принял решение! — решительно сказал идадьго. — Жизнь проходит, а я остаюсь наедине со своими мыслями. Нет больше сил терпеть! Нужно совершить Поступок! Ведь кто-то должен в наше лживое время, когда с именем господина на устах продаётся и покупается всё: женская нежность, сыновья привязанность, товарищество — кто-то должен показать людям пример бескорыстия и благородства! Это будет своего рода паломничество... Я пойду по Испании и во имя любви — только любви! — стану защищать страждущих и обиженных. И проповедовать, неустанно говорить людям о том, что человек это удивительное, прекрасное и свободное существо. Природа дала ему замечательные качества — силу ума, воображение, чуткое сердце. Дала умелые руки, способные осуществить самый дерзновенный замысел! И только от самого человека зависит, куда направит он свой дар: пойдёт ли по тропе жадной, прожорливой твари или по широкой дороге, на которой его ждут бесконечные подвиги духа!

— Ах, сеньор, как славно вы сказали! — воскликнул Росинант. — Я пойду с вами! И буду до конца, что бы ни случилось! Тяжкие испытания ждут нас на этом пути. Но кто-то должен начать... Сквозь смех и слезы, сквозь грязь и кровь — вперёд, к новому Человеку!

В окно, закрытое тяжёлой решёткой, заглянула багровая усатая рожа стражника.

— Давай его сюда! — крикнул он. — Здесь сидит этот, сухорукий! Как раз до пары — не тюрьма, а лазарет! — И оглушительно захохотал.

Дона Кихано, избитого, оборванного, втолкнули в камеру.

Седой, уставший человек поднялся с лавки и шагнул к нему навстречу. Левая рука, словно плеть, висела у него вдоль тела.

— Разрешите представиться — рыцарь печального образа Алонсо Кихано.

Человек криво усмехнулся, учтиво раскланялся.

— Мигель Сервантес — рыцарь несчастного образа и по совместительству сборщик налогов, посаженный по ложному обвинению в недостатке. А вас, позвольте узнать, за что поместили в этот старинный замок?

— Ах, сеньор, это долгая история!

— Расскажите, нам торопиться некуда.

— Ну ладно... Слушайте... Какое счастье, что они не схватили Росинанта. Верный Санчо не даст ему пропасть! Нет, рано мы пришли в этот мир! Никто нас не поймёт! Уж лучше действительно прослыть сумасшедшим, чем попасть в лапы к церковникам!

— Успокойтесь, дон Кихано. Давайте с самого начала.

Идальго грустно улыбнулся и чуть нараспев произнёс:

— Едва светлокудрый Феб распустил по лицу красавицы Земли золотые нити своих волос, как знаменитый рыцарь дон Кихано Ламанчский, встав с изнеживающих перин, вскочил на своего верного коня Росинанта и пустился в путь...

— Глупая история! — возмущённо сказал Треверс. — И книга дурацкая! Нельзя смеяться над больным человеком. Тем более им восхищаться...

— Почему ты считаешь его больным? — удивился Никита.

— Потому что только слабоумный может испытывать добрые чувства ко всем подряд. Люди разные! Есть чёрные и белые, христиане и мусульмане, коммунисты и капиталисты, работающие и ленивые, плуты и простаки... Могу ещё назвать миллион различий! И что же, прикажешь всех любить?

— Да, мир разобщён... — задумчиво произнёс Патрик. — Но на краю бездны жизнь заставит вас протянуть друг другу руки.

— Какой бездны? — теперь уже изумился Тренере.

Кентавр чутко повёл ушами. Он услышал чьи-то торопливые шаги.

— Сэр! Сэр! — В конюшню вбежал взволнованный дворецкий, за ним стражники, повара, прислуга, садовники. Лица у всех были искажены от страха. — Сэр! Только что передали по радио! На атолле Корундо проводили подземный ядерный взрыв...

— Ну и что? Это бог знает где.

— Что-то там... у них... пошло вразнос! Образовалась огромная волна. Она идёт через океан. Уже смыла на своём пути несколько островов. Через пятнадцать минут будет у нас!

— Доигрались... — тихо сказал Патрик и многозначительно посмотрел на Джона.

Это простое слово сразу заставило Треверса поверить в опасность.

— Чёрт возьми! — выругался он. — Катер не поможет! Самолёт?
— Два часа, как вылетел, — развёл руками дворецкий.
— Мой воздушный шар! — вспомнил Треверс. — В ангаре! Там баллоны с газом! Быстро надуть!

Слуги бросились выполнять распоряжение.

— У него большая корзина? — спросил Никита.

— На нас троих хватит.

— А эти люди? Они что же, погибнут?

— В конце концов я им хорошо платил!

— Я останусь, — спокойно произнёс Патрик. — Я всего лишь странное животное — голос Природы, направленный к человеку. Я сказал, что она думает о вас, и теперь могу спокойно уйти в небытие. Я выполнил своё предназначение.

Призывно загудел внутренний телефон. Треверс схватил трубку.

— Сэр! Скорее! Всё готово! Мы уже её видим!

Джон и Никита подбежали к окну. На горизонте выростала огромная серо-зелёная стена воды.

— Быстрее, садитесь на меня! — воскликнул Патрик.

Спорить было бессмысленно. Мальчики вскочили на кентавра. Патрик стремительно рванулся по крутой, каменистой дорожке — туда, где на обрыве скалы колыхалось красное полотнище воздушного шара.

Люди забились в корзину. Телохранители Треверса даже здесь были с оружием. Джон понял: выгнать их не сможет.

— Проклятье! — прохрипел он. — Какое-то наваждение! Откуда оно взялось! Патрик, может это очередное твоё «видение»?

— К сожалению, это реальность. Не медлите! Прощай, Никита... — Он наклонился к его уху и прошептал: — Проследи за Земфирой. У неё должен быть мой жеребёнок.

Зеленков наконец осознал — сейчас он навсегда потеряет своего друга.

— Нет! Не хочу! Я останусь с тобой!

— Сэр! Она совсем рядом! — истошно вопили стражники.

— Иди!.. — Кентавр подтолкнул Никиту. — Ты в начале жизни!

Помни, чему я учил...

Страшный, булькающий рёв с каждой секундой нарастал. Бурая стена приближалась, неотвратимо наваливалась на остров.

Патрик приподнял копыто — тонкая скаковая подкова болталась на одном гвозде. Видимо, он сорвал её во время скачки по горной тропе.

— Возьми, некоторым она приносит счастье.

Зеленков дёрнул, подкова осталась в его кулаке.

Кентавр повернулся и, прихрамывая, пошёл в сторону берега, навстречу цунами.

— Проклятье! — снова воскликнул Треверс. Он схватил Никиту за шиворот, затолкал в корзину и с размаху ударил топором по канату.

Шар тяжело поднялся на несколько метров и повис в воздухе.

— Всё лишнее — за борт! — приказал Джон.

На землю полетели пистолеты и ножи, пачки денег, золотые часы, сигареты и зажигалки, фляжка виски, библия... Никита порылся в карманах и выкинул пачку жвачки.

Шар трепетал. Мелкая дрожь бежала по его гладким бокам, словно он хотел взвиться, но не хватало сил.

— Одежду! — крикнул Треверс.

Все стали торопливо снимать и бросать вниз башмаки, рубашки, брюки, бельё.

Джон выразительно глянул на подкову. Никита заплакал, вытянул руку и с трудом разжал пальцы.

Шар медленно пошёл вверх. Кипящая масса воды прошелестела под ним, лизнув край корзины, обдав брызгами, пеной.

Волна ударила по острову, ломая и уродуя всё на своём пути. Вырвав с корнем деревья, оставив после себя руины, она ушла дальше — к материку.

Нагие, мокрые люди с ужасом смотрели на представшую перед ними картину: цветущий клочок суши, на котором они жили, в одно мгновение превратился в ад.

— Это предупреждение! — всхлипнул Никита. — Вот о какой бездне он говорил! Вот... Ты понял? — Он гневно посмотрел на Треверса. — Ты понял?

Джон угрюмо молчал...

История наша подошла к концу. В заключение, наверное, нужно коротко сказать, что было дальше с её героями.

Никита закончил биологический факультет Московского университета. Сейчас он занимается проблемами экологии.

Треверс стал одним из основателей партии «зелёных», которая активно борется в защиту окружающей среды.

Они переписываются, изредка встречаются на международных конференциях. Их объединяет правое дело: до сознания людей почему-то трудно доходит, что человечество стоит у опасной черты, что нельзя больше безнаказанно уродовать Природу. До бездны остался последний шаг!..

Вот, кажется, и всё. Да, совсем забыл! Земфира родила красивого резвого жеребёнка, очень похожего на Патрика. Вскоре он вошёл в элиту скаковых лошадей, но «говорить» не умел.

Ну что ж, будем ждать...

Оглавление

1.....	2
2.....	3
3.....	5
4.....	6
5.....	8
6.....	11
7.....	16
8.	19
Видение первое. ХИРОН.	20
9.....	22
10.....	24
Видение второе. ТРОЯНСКИЙ КОНЬ.	25
11.	30
Видение третье. БУЦЕФАЛ	31
Видение четвёртое. ОБЛАК.	37
Видение пятое. РОСИНАНТ.	40

Маленькое пояснение:

Это - моя «**маленькая**» попытка, донести до читателя, старые газетные публикации. Читать «**сканы**» старых крупноформатных газет и журналов, сейчас довольно тяжело, сам шрифт мелковат, да и время совсем листы не пощадило. Вот и появилась мысль, сделать некоторые публикации крупного формата, более читабельными.

Публикации в «**Пионерской правде**», помнят люди разного возраста, думаю у каждого, были свои, памятные.

Данная сборка, получена из предоставленных
Уважаемым **mistake**, сканов газеты
«Пионерская правда»

Как смог для читателей и любителей!

Сборка и работа с иллюстрациями **by formally**.

